

гносеологических, экзистенциальных, этических и богословских проблем, но и для различных способов их разрешения. Более того, в первой половине XX в. мы встречаемся со свидетельствами актуальности русской мысли в контексте европейской философии. Так, например, в онто-гносеологии Макса Шелера можно усмотреть смысловое содержание концепта «живого знания»¹³, а в философии Г. Марселя мы видим уже знакомую нам оппозицию «экзистенциального измерения реальности» и «объективности», необходимую для полноценного обоснования *реальности* христианского опыта [см. Визгин, 2013, с. 7]. Мысль Достоевского продолжает оставаться побудительным мотивом творчества для младшего поколения ученых и представителей культуры Серебряного века, к которому относятся С.И. Гессен (1887–1950), Н.С. Арсеньев (1888–1977) и др. Выразительным примером является доклад Арсеньева «Основная интуиция Достоевского», сделанный к 150-летию юбилею писателя. Здесь последователь русской религиозно-философской традиции Арсеньев, продолжая рецепцию идей Достоевского, предпринятую его старшими современниками-философами, обращается к проблемам религиозного познания, этики и теодицеи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.С. Арсеньев

Основная интуиция Достоевского*

I

Читатель Достоевского неминуемо сталкивается со сложностью, способной озадачить и даже дезориентировать его. Он встречается с поражающим сочетанием, с одной стороны, хаотичной, часто истеричной и необузданной эмоциональности, которая *вдруг* вырывается наружу из подсознательных бездн, с другой же – глубокого, всепроникающего света осознанности и осмысленности. Это соединение противоречащих друг другу элементов – вовсе не привнесенная извне и потому искусственная особенность «стиля», оно, скорее, выражает ясное видение автором тех конфликтов и противоречий жизни, сквозь которые, однако, им прозревается ее органическое единство. С помощью этих прозрений – иногда немощных и блеклых, а иногда ясных и покоряющих своей очевидностью – человек встречается с Высшей Реальностью, в которой преодолены все болезненные столкновения и искаженности текущей жизни.

¹³ См., например, в его статье «Формы знания и образование»: «Мы говорим, что знание есть *бытийное отношение*, а именно такое, которое предполагает бытийные формы “целого” и “части”. Это отношение *участия* одного сущего в так-бытии другого сущего, посредством которого в этом так-бытии ни в коей мере не сополагаются изменения. “Знаемое” становится “частью” того, кто “знает”...» [Шелер, 1994, с. 39–40].

* Настоящий текст является переводом с английского языка доклада «The Central Inspiration of Dostoevsky», прочитанного Н.С. Арсеньевым в рамках ежегодного заседания «Русской академической группы в США» и приуроченного к 150-летию со дня рождения русского писателя и мыслителя. Письменная версия доклада была опубликована в пятом томе журнала «Записки русской академической группы в США», вышедшем в 1971 г. Все примечания по умолчанию принадлежат Н.С. Арсеньеву. Примечания переводчика сопровождаются обозначением «*прим. пер.*».

II

Нам известен в общих чертах тот образ человеческой жизни, который транслирует в своих произведениях Достоевский. Не внушает ли этот образ чувство тревоги? Эта нищета, эта пучина нравственной развращенности, эти дикие чувства, что рвутся из глубин подсознания и, неожиданно овладевая человеком, толкают его на самый край пропасти; эти несправедливость и жестокость, караулящие человека на каждом шагу и сливающиеся в великую симфонию страдания... Добавим к этому образ Смерти, неуклонное шествие которой, овладевая всем существующим, сметает его в небытие. И хотя с очевидностью этих фактов нельзя спорить, можно, однако, спросить: не является ли такая картина жизни слишком односторонней из-за того, что внимание в ней обращено лишь на темные, угнетающие аспекты, тогда как то, что несет наслаждение и радость, остается незамеченным? Этот вопрос имел бы положительный ответ, «если бы я был цветок или корова», «но как могу я, сознающее себя существо, наслаждаться чем-либо, зная о собственной неизбежной смерти»¹?

Но позволим себе отвлечься от нашей личной судьбы, попробуем сконцентрироваться на мыслях о «будущей гармонии» и о «будущем счастье человечества» – главных предметах политических и социальных утопий. «Пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен, – продолжает автор письма. – Но ведь планета наша не вечна, и человечеству срок – такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, – всё это тоже приравняется завтра к тому же нулю». Этот резкий и отчаянный пафос, разделяемый самим Достоевским, исключает саму возможность доверия тем утопическим обещаниям о мировых реформах, которые исходят от революционно настроенных умов. Осознание вышеизложенной истины требует той радикальной решимости, которая крайне трудна для человека. Это и делает талант Достоевского, по слову Михайловского, «жестоким». Но является ли «жестокость» Достоевского действительно жестокой? Не есть ли это *честность*? Не является ли эта столь дискомфортная жесткость, раскрывающая нам наши иллюзии *лишь как иллюзии*, той ценой, какую требует Истина? И что тогда означает «жестокость» в этом контексте? Жестокость по отношению к кому? Здесь мы приближаемся к тому центру, из которого проистекает целостное мировоззрение Достоевского, а значит, и каждое из его произведений. Да, он хотел быть «жестоким», но движущей причиной и конечной целью этой «жестокости» было *сострадание*. Он хотел быть жестоким к нам, читателям, чтобы пробуждать в нас сопереживание всем тем, кто страдает, даже всему, что хотя бы живет, ибо все живущее связано друг с другом общей судьбой и общим страданием, оно подобно каплям одного океана². Он хотел как бы взрастить в наших душах сознательное и в то же время страстное чувство, выступающее в качестве *реакции* на страдания несчастных: тех, кто остался брошен в одиночестве; тех, кто оказался «униженным и оскорбленным»; тех, кого охватило уныние и отчаяние; тех, кто попал под власть демонических сил, которые, поднимаясь из бездны души, обращаются в дикие, чуждые всякой закономерности аффекты ненависти, безграничного

¹ Здесь Н. Арсеньев пытается своими словами передать мысль неизвестного самоубийцы, письмо которого Достоевский опубликовал в главе «Приговор» «Дневника писателя» за 1880 г. Отрывок оригинального текста таков: «Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратится в ничто, в прежний хаос». – *Прим. пер.*

² Идеал нравственной сплоченности (solidarity), основанный на невидимой духовной связи между людьми, был дорог Достоевскому. Все вещи и существа в глубине связаны – именно об этом говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых»: ибо всё как океан, всё течет и соприкасается, «в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается».

вожделения, гордыни, исступленного вызова всем и вся – аффекты, уничтожающие нас (ведущие в небытие). Более всего, однако, Достоевский был озабочен жизнями именно тех, кто ищет сочувствия, кто, *прося о нем криком*, все же не получает его. Мы должны *чувствовать* вместе с ними, мы должны через действенное сопереживание разделить с ними их страдание (всегда уже присутствующее в глубинах наших сердец). Это – исходная интуиция Достоевского. И он относит эту проблему и свою попытку разрешить ее к «самым реалистичным темам из всех возможных».

III

У Достоевского попросту *не было выбора*. Он должен был делать то, что делал. В этом долженствовании проявлялся его гений, действующий через *внутреннее принуждение*. Потрясенный событиями собственной жизни, Достоевский все же чувствовал себя вынужденным копать дальше, копать в глубину. Открывшаяся его умозрению картина реальности, степень масштаба которой соответствует степени ее невыносимости, навязывала ему свою (кажущуюся) безнадежность. Но Достоевский как искатель Истины, остающийся верным звучащему в нем зову, не имел выбора, он *должен был* описывать эту картину, представлять ее нам.

[Его творчество, однако, исходило] не столько из потребности освобождения [от этой тяжести] посредством творческой «экстериоризации» (своеобразного самоспасения в эстетике), сколько из чувства, что оно есть его миссия, долг, призвание. Он не наслаждался той жестокостью, которая ничего не имела за собой, и причину мрачности его видения не следует искать в недостаточной прогрессивности его политической позиции (как на это иногда указывали его критики). Напротив, Достоевский проявлял деятельный интерес к социальной справедливости и социальным реформам. Но он копал глубже, ибо верил, что проблема лежит глубже. Чтобы решить эту проблему, мы должны дать нашему ближнему не только справедливость, но и наше сострадание, которое, являясь *частью нас самих*, отдается в *любящем самоотречении*. [И то, что подобное решение есть единственное], было очевидно для тех, кто непосредственно встречался с нравственным обликом Достоевского в течение всей его жизни и особенно в последнее десятилетие – время окончательного созревания его гения и его мировидения. Так, молодой корректор О. Починовская, работавшая в типографии в то время, когда Достоевский издавал свой «Дневник писателя» (1873 г.), с сильным сопереживанием рассказывает в своих знаменитых «Воспоминаниях» о беседах с Достоевским на религиозные и моральные темы. Она была глубоко тронута его поразительной и одухотворенной личностью, в которой сквозь внешние угрюмость и даже грубость просвечивали горячий нравственный энтузиазм, чуткость и доброта. «Это был человек, который освободился от всех наших общепринятых представлений о жизни и наполнил [(точнее, пронзил)] наши души живым сопереживанием всем тем, кто страдает, так что все то, что мучимо, подавлено и унижено, становится в итоге чем-то близким и родственным нам». Это же подразумевал сам Достоевский в тех столь важных и столь выразительных словах «Идиота»: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Как странно и даже утрированно это может звучать! Однако слово «закон» должно пониматься здесь в смысле «нормы», и в данном случае эти слова выражают самое заветное убеждение Достоевского. Сострадание есть самое ценное и прекрасное, [что есть в жизни], оно есть та сила, которой искупается человеческое существование. [Самим своим присутствием] сострадание [уже] свидетельствует об ином истоке, о прорыве и присутствии иной Реальности. Оно является чем-то большим, чем просто моральная задача, имеющая первостепенное значение в человеческой жизни. Не является ли сострадание тем, что всякий раз уже *предполагает* восприятие [(опыт)] Высшей Реальности, лежащей в основе существования мира и, по сути, осмысливающей его?

IV

Мы уже отметили, что сострадание, даже наше – человеческое, – обладает свойством искупления. Но, следуя Достоевскому, это *так* лишь потому, что существует искупающая сила безграничного Сострадания, [которую иначе можно назвать] Божественной Любовью, входящей в мир. Хотя [существование последней] – основное упование не одного только Достоевского, но оно есть его ведущая интуиция, первоисток его вдохновения. Он «не может жить» без Бога³. В то же время, однако, в персонаже Ивана Карамазова обретают голос растерянность и дурные предчувствия, мучившие самого Достоевского. Иван не может принять этот мир, сотворенный Богом, со всеми царящими в нем несправедливостью и страданием. Он отвергает не Бога, но мир, сотворенный им. Эта позиция Ивана Карамазова есть, согласно Достоевскому, высшее выражение атеизма среди всех, с которыми он когда-либо встречался. И [в этом выражении] в определенной степени обретает голос [обратная сторона] его собственного мироощущения.

Ответ – единственный удовлетворительный ответ, согласно Достоевскому, – не из числа теоретических. Им может быть лишь покоряющий факт Божественной Любви, которая прорвалась в наш мир и «уничжила» Саму Себя⁴ через снисхождение в бездну нашего страдания, в нашу смерть и оставленность. *Распятая любовь* – это и есть ответ, ключевая проблема в знаменитом споре «Pro and Contra» между двумя братьями, это то, [сфокусированность на чем] ознаменовала апогей всего творчества и религиозного опыта Достоевского (см., к примеру, главу «Кана Галилейская» в «Братьях Карамазовых»).

Но существует также ответ Ивана, обращенный к исповеданию веры своего брата, – прозаическая поэма «Легенда о Великом Инквизиторе». Как можем мы верить в Христа? Старый инквизитор, являющийся в некоторой мере проекцией личности самого Ивана, какое-то время верил в Христа, но [затем] отказался от этой веры, как и от веры в Бога вообще. Эта вера была так прекрасна, но вместе с тем слишком непрактична и слишком недоступна для просвещенных и искушенных натур.

Отвергая чувство сострадания к необъятному количеству людей из своей пасты – к этим слабым существам, которые так трусливы, так ограничены в своём мировоззрении, так несдержанны и легкомысленны в своих страстях, так глупы и инфантильно зависимы, что заслуживают, скорее, презрения, нежели жалости, – отвергая жалость к ним, Инквизитор настаивал: *нужно* все же скрывать от них жестокую Истину (о последнем Ничто) и продолжать проповедовать им Благую Весть. [Нужно] позволить этому несчастному «стаду» верить по крайней мере в вечную жизнь, в жизнь будущего века. Но на деле, даже если вечная жизнь существовала бы (во что Инквизитор больше не верит), то ее не заслуживало бы это жалкое, зависимое «стадо». Согласно Инквизитору, следует продолжать проповедовать им Христа как Того, кто приносит комфорт и дает надежду. [В этой проповеди] жалость смешана с презрением, и сама эта проповедь исходит из неверия ни в Христа, ни в спасение. Это – трагедия инквизитора. Но такое изощренное атеистическое сострадание неприемлемо ни для Алеши, ни для самого Достоевского. Только Истина [и, значит, вера в нее] обладает силой спасения.

И снова, и снова возникает вопрос: как мы можем верить? Как мы можем достичь Истины? Существует ли какой-либо внешний, логический, осязаемый [критерий] проверки последней Истины (the Ultimate Truth)? И какой же ответ дается

³ См. февральский выпуск «Дневника Писателя» (1876 г.) под заглавием «Семья и наши святыни. Заключительное слово об одной юной школе»: «Я неисправимый идеалист; я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь...»

⁴ Выражение из «Послания к Филиппийцам» св. ап. Павла: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба...» (2:7).

в конце «Легенды о Великом Инквизиторе» или сна Версилова в «Подростке» или в уже упомянутой главе «Кана Галилейская»? Единственный убедительный ответ может быть дан лишь во встрече (encounter) с Богом. Мы должны встретиться с Ним.

[Идея] встречи с Богом как с покоряющей Любовью – это центр и корень веры Достоевского, его вдохновения и свидетельства. Еще у древних христиан мы находим опыт подобного свидетельства о Присутствии [Божественного] среди них. Особенно богатым на такие эпизоды является Евангелие от Луки, например, сцена «чудесной рыбалки»: «...выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный, – восклицает Петр, – ибо ужас объял его и всех, бывших с ним...» (Лк. 5: 8-9). [В другом месте] сотник говорит Иисусу: «...я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой; ...но скажи слово, и выздоровеет слуга мой» (Лк. 7: 6-7). Сколько поразительных историй о неожиданных внутренних переменах, о возрождении души (renewal of mind) мы там находим. Женщина, живущая в грехе, *вдруг*, следуя полусознательному импульсу, желает славить великого Проповедника через омовение Его ног мирром. Когда она приходит в дом богатого фарисея, где Иисус принимает пищу, она неожиданно теряет самообладание и начинает плакать у Его ног так, что они становятся мокрыми от слез; она отирает и целует их. Подобным образом жадный и состоятельный начальник мытарей Закхей так приветствует Христа: «Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк: 19-8). Ибо [после встречи с Ним] Закхей был уже изменившимся человеком.

В Его присутствии возникают чувства всепобеждающего прощения, величия, святости, доброты, а также смиренного сострадания. Но затем наступает ужасающая катастрофа Страстей и Распятия, пугающая Его учеников настолько, что они спасаются бегством, оставляя Его в одиночестве. Лишь Его мать, ее родственница и избранный ученик остаются у подножия Креста. Затем происходит воскресение. Ученики сначала не верят [в его реальность]. Тогда Он является им и показывает раны на Своих руках и ногах, и неверующий Фома восклицает: «Господь мой и Бог мой!» (Ин: 20-28). Личный контакт, личная встреча. Вся проповедь в конечном счете сводится к решительному свидетельству об этой встрече, «о том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам...» (1-ое посл. Ин. 1:1-2).

В этом [свидетельстве] заключается сердце, центр, сущность их проповеди. И это же применимо к Достоевскому. Его преисполняет нежность и трепетное восхищение при размышлении о Любви, которая «уничжила» Саму Себя *до конца, до смерти на кресте*. Он покорен этим так же, как и апостол Павел.

V

Позвольте мне вспомнить несколько небольших цитат, в которых отчетливо проявляется *Христоцентрический* характер религиозного опыта Достоевского и, более того, его мировоззрения в целом, его философии жизни и даже его взгляда на религиозное назначение нации. Эти отрывки отнюдь не призваны выявить какой-то доселе неизвестный и знаменательный смысл произведений Достоевского. Они взяты как из его великих художественных произведений, так и из его размышлений в «Записных тетрадах», многочисленных черновиков и писем. Предельный смысл (the ultimate meaning) его произведений, незримо присутствующий как бы за местом действия, в некоторых абзацах внезапно врывается в реальность, стоящую у нас перед глазами.

В самом начале духовного развития Достоевского (с особой силой оно началось после его возвращения с каторги) терзающие его сомнения и нерешительность поглощались потоком горячий, но все еще полусознательной веры или, скорее, чувством замороженности моральной Красотой, Величием, Совершенством и Любовью,

которая больше, значительнее той, на которую мы как люди способны. Даже если «они» (противники Христа) преуспели бы в доказательстве того, что Христос заблуждался, что Христос «вне истины», то «мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной», – говорит Достоевский⁵. Думаю, что эта мысль может быть выражена еще и следующим образом: «Я предпочел бы быть с Христом (вне *вашей* истины), нежели с вами и с вашей истиной без Христа». Эти слова по своему близки словам апостола Павла: «мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев – соблазн, а для Еллинов – безумие, для самих же призванных... – Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор.: 23-24). Христос есть нечто *большее*, чем ваша истина. Пример такого радостного «пренебрежения» мы находим в некоторых записях его «Записных тетрадей». Письмо от 1854 года начинается с исповедания религиозных сомнений и метаний. Но его заключительное предложение, несмотря на «агностическую» форму [всего письма], превращается в исповедь именно Ему – Тому, кто покори́л его сердце, сберег его (*laid His hand upon him*) и придал смысл его существованию. Вера Достоевского – это нужно подчеркивать снова и снова – совсем не является «книжной», ее также нельзя охарактеризовать как теоретическое решение философских проблем, она не является плодом диалектических упражнений. Вера Достоевского фундаментальна для всего его бытия. Он не знает ничего более первостепенного для бытия человека и мира.

«На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо», – пишет Достоевский своей племяннице С.А. Ивановой в январе 1868 г⁶. Весь смысл Евангелия от Иоанна он видит в сосредоточенности на воплощении, на одном этом «появлении прекрасного» (в том же письме). В полном соответствии с этими словами Достоевский позднее напишет в подготовительных материалах к одному из его величайших романов – «Бесам»: «...дело в настоящем вопросе: можно ли веровать, быв цивилизованным, т.е. европейцем? – т.е. веровать безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в том и состоит)»⁷. И несколькими словами ниже: «...источник жизни и спасение от отчаяния всех людей, условие и залог для бытия всего мира заключаются в трёх словах: Слово плоть бысть»⁸.

Эти слова сегодня хорошо известны и часто цитируются. Однако нельзя процитировать то скрытое, малозаметное вдохновение, которым проникнут весь труд Достоевского и свет которого лишь время от времени отражается в его словах. Иногда это вдохновение вдруг прорывается в форме страстного исповедания веры одного из героев Достоевского. Такими пассажами изобилуют, к примеру, знаменитые главы «Братьев Карамазовых» («Pro и Contra», «Русский Инок» и «Алеша»).

VI

Христос и русский народ – вот еще одна тема, входящая в число тех, что вдохновляли Достоевского в религиозном и нравственном плане. Сострада́я и сострада́тельно любя этих людей, Достоевский был озабочен их судьбой, назначением. Достоин ли русский народ того, чтобы нести миру слово Христово? Ответы Достоевского полны сомнений, нерешительности и даже противоречивости. Время от времени возникали односторонние утверждения не только о высокой миссии хранителя

⁵ Достоевский Ф.М. Письмо Н.Д. Фонвизиной // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985. С. 175. – Прим. пер.

⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. С. 251. – Прим. пер.

⁷ Достоевский Ф.М. Подготовительные материалы к «Бесам» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. С. 177. – Прим. пер.

⁸ Там же. С. 179. – Прим. пер.

истины Христовой, возложенной на русский народ, но и о его врожденной религиозности («Эти люди носят Бога в своем сердце», – говорит старец Зосима⁹). С другой стороны, наряду с признанием этого высокого призвания, в текстах Достоевского можно также найти острое сознание недостойности русского народа, его намеренной погруженности в бездну греха, поглощенности моральной деградацией, праздностью и даже бесчеловечной жестокостью – всего того, что порой скрыто в глубине человеческой души, скрыто за такими [внешними] чертами характера, как очаровательная любезность и доброта. Достоевский видел эту озадачивающую и пугающую *полярность* русской души. Именно эта полярность, на его взгляд, формирует те «бездонные» искушения, которые в конечном счете призывают к одному – к столь соблазнительному восстанию против Бога и установленных Им моральных законов. Тем не менее [в его мысли] всегда оставалось место для надежды на нравственное исцеление и на спасение как незаслуженный дар сострадания и милости, исходящий свыше. «<...> Но великая мысль и великая воля осенят ее (Россию. – *Прим. пер.*) свыше, и выйдут все эти бесы <...> И больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых», – говорит он в «Бесах» устами Степана Трофимовича.

Ответы на различные вопросы, тревожащие Достоевского, – о назначении человека, общества, нации, мира и даже всего творения – в итоге слились в один. Этим ответом стала реальность безграничного Сострадания – того последнего, исчерпывающего Слова, дающего смысл всему существованию через победу над злом и смертью.

Подобные проблемы продолжают тревожить нас до сих пор. И Достоевский, как ни странно, может быть более «актуальным» для нас, чем это обычно допускается.

Перевод с английского языка К.А. Мартемьянова

Список литературы

Аляев, Оболевич, Резвых, Цыганков, 2021 – *Аляев Г.Е., Оболевич Т., Резвых Т.Н., Цыганков А.С. С.Л. Франк о Ф.М. Достоевском. Оправдание человека и теодицея (новые материалы)*. М.: ИФ РАН, 2021 (в печати).

Бердяев, 2006 – *Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского*. М.: Эксмо, 2016. С. 311–497.

Бердяев, 1994а – *Бердяев Н.А. Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. 480 с.

Бердяев, 1994б – *Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 364–463.

Бердяев, 1994в – *Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 230–312.

Визгин, 2013 – *Визгин В.П. Экзистенциальная философия Габриэля Марселя // Марсель Г. О смелости в метафизике*. СПб.: Наука, 2013. С. 5–32.

Вышеславцев, 1928 – *Вышеславцев Б.П. Трагическая теодицея // Путь*. 1928. № 4. С. 14–33.

Вышеславцев, 1928 – *Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии // Современные записки*. № 50. 1932. С. 288–303.

Гессен, 1932 – *Гессен С.И. Трагедия зла. (Философский смысл образа Ставрогина) / Путь*. 1932. № 36 (декабрь). С. 44–74.

Достоевский, 1973 – *Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 99–179.*

⁹ См. также слова самого Достоевского: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит в своем сердце иконы <...> Но сердечное знание Христа и истинное представление о Нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и уже слилось с сердцами людей» (*Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 г. V глава // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. 1980. С. 38*). – *Прим. пер.*

- Достоевский, 1976 – *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 511 с.*
- Достоевский, 1980 – *Достоевский Ф.М. IV. Записная тетрадь 1864–1865 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 152–204.*
- Достоевский, 1982 – *Достоевский Ф.М. Голосовные утверждения // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 46–49.*
- Достоевский, 1985 – *Достоевский Ф.М. Письмо Н.Д. Фонвизиной // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. С. 175–177.*
- Жукова, 2017 – *Жукова О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017. 621 с.*
- Лаут, 1995 – *Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика: 1996. 447 с.*
- Мартемьянов, 2020 – *Мартемьянов К.А. Н.А. Бердяев и М. Шелер: философско-антропологические подходы к проблеме теодицеи // Филос. науки. 2020. Т. 63. № 8. С. 143–159.*
- Мочульский, 1995 – *Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.*
- Тарасов, 2017 – *Тарасов Б.Н. TERTIUM NON DATUR: к вопросу о месте и значении творчества Ф.М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 52–114.*
- Фома Аквинский, 2006 – *Фома Аквинский. Сумма Теологии: в 4 т. Т. 1. М.: Издатель Савин С.А. 2006. 560 с.*
- Франк, 1990 – *Франк С.Л. Непостижимое // Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–556.*
- Франк, 1998 – *Франк С.Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 255 с.*
- Франк, 1997 – *Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 208–432.*
- Цыганков, Оболевич, 2019 – *Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. 269 с.*
- Шелер, 1994 – *Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 413 с.*
- Frank, 1936 – *Frank S. Dostojewski's Theodicee / U. h. Duitsch // Stemmen des tijds. 1936. II. S. 103–118.*

“The Concreteness of Metaphysics”:

F.M. Dostoevsky in the Philosophy of N.A. Berdyaev and S.L. Frank

Kirill A. Martemianov

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: martemyanov1996@bk.ru

The article considers the influence of Dostoevsky's thought to the philosophy of N.A. Berdyaev and S.L. Frank. The crucial concept and experience of “living knowledge” and its anticipation in Dostoevsky's heritage are discussed. Given that the problem of “living knowledge” overpasses the boundaries of pure gnoseology, we examines themes of ethical ideal, the meaning of religious belief and its existential significance. Besides that, in the article are presented three interrelated projects of theodicy in the Russian philosophy of 20th century (by N.A. Berdyaev, B.P. Vysheslavtsev and S.L. Frank). All of these projects are grounded in Dostoevsky's thought. The supplement to the article consists of the first Russian translation of N.A. Arsenyev's lecture “The central inspiration of Dostoevsky”.

Keywords: F.M. Dostoevsky, N.A. Berdyaev, S.L. Frank, religious metaphysics, theodicy, living knowledge, spirit, being, existential experience

References

- Berdyaev N.A. *Mirosozercanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Eksmo Publ., 2016, pp. 311–497. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo duha* [Philosophy of Free Spirit]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russian)

- Berdyayev N.A. Duh i real'nost'. Osnovy bogoche lovecheskoy duhovnosti [Spirit and Reality. The Foundations of God-man Spirituality]. In: N.A. Berdyayev. *Filosofiya svobodnogo duha*. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 364–463. (In Russian)
- Berdyayev N.A. Ya i mir ob'ektov [Self and the World of Objects]. In: N.A. Berdyayev. *Filosofiya svobodnogo duha*. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 230–312. (In Russian)
- Cyganov A.S., Obolevitch T. *Nemeckiy period filosofskoy biografii S.L. Franka (novye materialy)* [The German Period of Philosophical Biography of S.L. Frank (New Materials)]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2019. 269 p. (In Russian)
- Dostoevsky F.M. Zapiski iz podpol'a [Notes from the Underground]. In: F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works] v 30 t., t. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1973, pp. 99–179 (In Russian)
- Dostoevsky F.M. Bratya Karamazovy [Karamazov Brothers] In: F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie sochineniy* v 30 t. T. 14. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 511 p. (In Russian)
- Dostoevsky F.M. Goloslovnyye utverzhdeniya [Unfounded Statements] In: F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie sochineniy* v 30 t. T. 20. Leningrad: Nauka Publ., 1980, pp. 46–49. (In Russian)
- Dostoevsky F.M. IV. Zapisnaya tetrad' 1864–1865 g. [IV. Journal-book of 1864–1865]. In: F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie sochineniy* v 30 t. T. 20. Leningrad: Nauka Publ., 1980, pp. 152–204 (In Russian)
- Dostoevsky F.M. Pis'mo N.D. Fonvizinoy [Letter to N.D. Fonvizina]. In: F.M. Dostoevsky. *Polnoe sobranie sochineniy* v 30 t. T. 28. Leningrad: Nauka Publ., 1985, pp. 175–177 (In Russian)
- Frank S.L. *Nepostijimoe* [The Incomprehensible]. Moscow: Pravda Publ., 1990, pp. 183–556. (In Russian)
- Frank S.L. *Svet vo t'mye* [Light Shineth in Darkness]. Moscow: Faktorial Publ., 1998, pp. 255. (In Russian)
- Frank S.L. *Real'nost' i chelovek* [The Reality and Man]. Moscow: Respublika Publ., 1997, pp. 208–432. (In Russian)
- Frank S. Dostojevski's Theodicee, U. h. Duitsch, *Stemmen des tijds*, 1936, II, SS. 103–118.
- Gessen S.I. Tragediya zla (filosofskiy obraz Stavrogina) [The Tragedy of Evil (Philosophical Image of Stavrogin)], *Put'*, 1932, pp. 44–74 (In Russian)
- Laut R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Systematic Narration of Dostoevsky's Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 1996. 447 p. (In Russian)
- Martemianov K.A. N.A. Berdyayev and M. Scheler: Philosophical and Anthropological Approaches to the Problem of Theodicy. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. Vol. 63, no. 8, pp. 143–159. (In Russian)
- Mochulsky K.V. *Gogol'. Solovyev. Dostoevsky*. Moscow: Respublika Publ. 1996. 606 p. (In Russian).
- Thomas Aquinas. *Summa Theologica* in 4 vol., vol. 1. Moscow: S.A. Savin Publ., 2006. 560 p. (In Russian)
- Scheler M. Formy znaniya i obrazovanie [The Forms of Knowledge and Education]. In: Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 413p. (In Russian)
- Tarasov B.N. TERTIUM NON DATUR: k voprosu o meste i znachenii tvorchestva Dostoevskogo v mirovom istoriko-kulturnom processe [TERTIUM NON DATUR: to the Question of Place and Significance of Dostoevsky's Heritage in International Historical and Cultural Process]. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kulturno-istoricheskom processe* [Russian Classical Literature in the World Cultural and Historical Context]. Moscow: Indrik Publ., 2017, pp. 52–114. (In Russian)
- Vyshslavcev B.P. Tragicheskaya teodiceya [The Tragic Theodicy], *Put'*, 1928, no. 4, pp. 14–33. (In Russian)
- Vyshslavcev B.P. Dostoevsky o l'ubvi i bessmertii [Dostoevsky about Love and Immortality], *Sovremennyye zapiski*, 1932, no. 50, pp. 14–33. (In Russian)
- Vizgin V.P. Ekzistencial'naya filosofiya Gabrielya Marcelya [Existential Philosophy of Gabriel Marcel]. In: Marcel G. *O smelosti v metafizike*. St-Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 5–32. (In Russian)
- Zhukova O.A. *Filosofiya russkoy kultury: metaficheskaya perspektiva cheloveka i istorii* [Philosophy of Russian Culture: Metaphysical Perspective of Human Being and History]. Moscow: Soglasie Publ., 2017. 621 p. (In Russian)